

обществѣ на него смотрѣли какъ на приличнаго и пріятнаго человѣка. Въ семействѣ Ладогиныхъ онъ велъ себя очень предупредительно. Съ перваго же раза повелъ съ Ольгой оживленный разговоръ, сообщил нѣсколько пикантныхъ подробностей изъ петербургской жизни, коснулся „вопросовъ“, и, разумѣется, по преимуществу, тѣхъ, которымъ была посвящена дѣятельность тетки—Надежды Ѳедоровны. Но при этомъ объявилъ, что настоящее время для вопросовъ очень трудное, и что Надежда Ѳедоровна хотя не опускаетъ рукъ, но очень страдаетъ.

— Всего больше угнетаетъ то, — сказалъ онъ, — что надо дѣйствовать какъ будто исподтишка. Казаться веселымъ, когда чувствуешь въ сердцѣ горечь, заискивать у такихъ личностей, съ которыми не хотѣлось бы даже встрѣчаться, доказывать то, что само по себѣ ясно какъ день, слѣдить, какъ бы не оборвалась внезапно тонкая нитка, на которой чуть держится дѣло преуспѣянія, отстаивать каждый отдѣльный случай, пугаться и затѣмъ просить, просить и просить... согласитесь, что это не легко!

И когда Ольга отвѣчала на его слова собогльзнованіями—ничего другого и въ запасѣ у нея не было—то онъ, поощренный ея вниманіемъ, продолжалъ:

— Вообще, мы, люди добрыхъ намѣреній, должны держать себя осторожно, чтобы не погубить дѣла преуспѣянія и свободы. Мы обязаны помнить, что каждый переполохъ прежде всего и больше всего отражается на насъ. Поэтому, самое лучшее—не дразнить и стараться показывать, что наши мысли совпадаютъ съ мыслями вліятельныхъ лицъ. Разумѣется, не затѣмъ, чтобы подчиниться этимъ лицамъ, а, напротивъ, чтобы они, незамѣтно для самихъ себя, подчинились нашимъ воззрѣніямъ. Вліятельное лицо всегда не прочь полиберальничать—къ счастью, это вошло уже въ привычку—лишь бы либеральная мысль являлась не въ черезъ-чуръ рѣзкой формѣ и смягчалась внѣшними признаками уступокъ и соглашеній. Ежели этотъ маневръ удастся, то дѣло преуспѣянія спасено. И что всего важнѣе: вліятельное лицо будетъ убѣждено, что инициатива этого спасенія идетъ всецѣло отъ него. А при такомъ убѣжденіи, и будущее его содѣйствіе можетъ считаться обезпеченнымъ.

— Да, но вѣдь это игра опасная, — замѣтила Ольга.

— Коли хотите, она не столько опасна, сколько не вполне нравственна и въ высшей мѣрѣ надоѣдлива. Совѣстно лукавить и невыносимо скучно выслушивать пустяки, серьезно изрекаемые въ качествѣ истинъ. Требователенъ нынѣшній вліятельный человѣкъ и даже назойливъ. Ни одной уступки вы отъ него не до-